

З.И. Минеева

**Лексико-семантическое словообразование личных существительных
(по данным НКРЯ)**

Опубликовано в: Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Под редакцией Н.Р. Добрушиной. Москва 2007. С. 221-229.

В статье рассматривается отражение в Национальном корпусе русского языка антропоцентрических лексико-семантических вариантов у существительных, называющих диких и домашних животных, птиц, рыб, как реализация одного из актуальных способов современного словообразования. Материал корпуса позволяет сформулировать задания для студентов, изучающих разделы «Лексикология», «Лексикография» и «Словообразование» в рамках курса современного русского языка.

В.В. Виноградов, рассматривая деривацию в синхроническом и диахроническом аспектах и принимая во внимание наблюдения Л.Л. Щербы, пришел к заключению о том, что словообразование не может быть исчерпано учением о морфологических способах образования слов [Виноградов, 1975, с. 212], и выделил лексико-семантический способ, в результате которого новые слова образуются при распаде полисемантического слова на омонимы [Виноградов, 1975, с. 156]. Наличие двойной связи словообразования, с одной стороны, с лексикологией, с другой, - с грамматикой, обуславливает, как считает ученый, многообразие видов словообразования. В исследованиях по синхронному словообразованию Е.А. Земской [Земская, 1973], З.А. Потихи [Потиха, 1970], Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, 2001], В.В. Лопатина [Лопатин, 1982] и других данный способ деривации не рассматривается. Возникновение новых значений, или лексико-семантических вариантов, вследствие метафорического переноса изучается в семантическом аспекте [Кронгауз, 2001, с. 139]. Однако более масштабный взгляд на деривационные процессы, представленный прежде всего в трудах А.А. Потебни, находит своих сторонников среди современных лингвистов. Согласно учению А.А. Потебни, появление каждого нового значения слова соотносимо с появлением самостоятельного нового слова: «В словарях принято, для сбережения времени и места, под одним звуковым комплексом перечислять все его значения... При появлении каждого из этих значений создается новое слово» [Потебня, 1941, 4, с. 96]. Вклад в развитие данной концепции внесла работа В.М. Маркова «О семантическом способе словообразования в русском языке» [Марков, 1981]. Автор считает изменение значения слова равноценным словообразовательному акту и появлению в языке омонимов. Аналогичный подход

отражен в «Словаре новых слов и значений»; его создатели, отмечая появление новых лексико-семантических вариантов в современном русском языке и рассматривая деривационные процессы в диахронии, акцентируют внимание на том, что данное языковое явление представляет собой реализацию семантического способа словообразования [Новые слова и значения, 1984, с. 9]. Вопрос об актуальности лексико-семантического (семантического) способа словообразования в современном языке рассматривается и другими исследователями. Данный подход, при котором инновационные процессы в области семантики связываются с деривационными процессами, представляется перспективным и актуальным для оценки тех явлений, которые характеризуют, в частности, динамические процессы в области личных имен существительных.

Антропоцентрические значения существительных, обозначающих животных, рассматриваются в ряде работ; одно из последних интересных исследований [Фролова, 2005] посвящено анализу фиксации данных значений в словарях XVIII-XX вв. и выявлению типов антропоцентрических значений.

Функционирование наименований животных, птиц, рыб в живом языке шире и разнообразнее, чем это представлено в словарях литературного языка. Использование богатейшего электронного ресурса Национальный корпус русского языка (НКРЯ) позволяет, во-первых, существенно расширить круг лексем, имеющих переносные антропоцентрические значения, во-вторых, уточнить значение и стилистическую маркированность некоторых ЛСВ. Наконец, обилие материала в некоторых случаях позволяет проследить постепенное установление, формирование нового ЛСВ – от использования зоонима в составе сравнительного оборота до реализации значения личного существительного в субъектной, вокативной, аппозитивной, предикативной функциях. Вышеназванные аспекты анализа позволяют сформулировать соответствующих задания для студентов при изучении синтаксически связанного лексического значения и установлении его отличия от свободного значения.

Перейдем к более подробному рассмотрению материала, который ограничен рамками статьи. Первый уровень анализа, имевший целью выявить антропоцентрические значения у лексем, для которых словари литературного языка (прежде всего БАС и МАС¹) таковых не фиксируют, позволил установить более значительный корпус с переносными ЛСВ метафорического или метонимического характера. Таковы слова *агница*, *аллигатор*,

¹ Внимание прежде всего обращается на словари, содержащие иллюстративный материал, подтверждающий правомерность выделения того или иного ЛСВ.

барсук, бастард, бобер, бобр, болонка, буревестник, выхухоль, газель, гиппопотам, динозавр, камбала, койот, крот, лось, мамонт, пеликан, трясогузка и другие.

Аллигатор, как свидетельствуют данные НКРЯ (далее все приводимые примеры взяты из НКРЯ), обозначает человека агрессивного, опасного, готового наброситься на свою жертву: А возможно, мой будущий противник даже не слышал, что я самый страшный *аллигатор* в мутных водах ЦДЛ; Однажды после затяжного обеда (появлялись все новые друзья, и обед начинался сначала), перешедшего в неторопливый ужин, по пути к выходу мы с Геллой обнаружили в пивном зале, украшенном шутливой стеной росписью, группу молодых грузинских поэтов, возглавляемых мэтром, грузином московского разлива Коберидзе [Нагибин Ю. Тьма в конце туннеля (1994)]. Возможно употребление слова с иронической окраской: *Аллигатор* написал мемуары: "Проснувшись утром и попив молока, я нюхал незабудки [Козинцев Г. Из рабочих тетрадей (1948-1963)].

Лексема *барс* при метонимическом переносе имеет значение «игрок команды «Ак Барс»: Вторым положительным для «белых *барсов*» фактором станет преимущество своего поля [Демин А. Кому больше всех надо...// Известия. 2002. 03. 22]; Ни разу за всю десятилетнюю историю проведения в России матчей на вылет казанцам не удавалось пройти «бело-голубых», и это при том что «Динамо» попадалось на пути «*барсов*» чаще, чем какой-либо другой клуб [Демин А. Увидеть невиданное...// Известия. 2002. 03. 13]; А в одном из эпизодов «*барсов*» спасла штанга [Козин С. Новый год «барсы» начали миролюбиво // Вечерняя Казань. 2003. 01. 05] .

Барсук, для которого словари фиксируют только прямое значение: «хищное животное сем. куньих, с неуклюжим телом, острой мордой и длинной шерстью» [БАС, 1, с. 399], используется для референции человека замкнутого, ведущего уединенный образ жизни, «в своей норе»: Этот старый *барсук* хочет жениться! Старый *барсук*! [Чехов А.П. Безотцовщина (1887)]; Богоподобных людей – не встречала, а зверье среди них – мелкие грызуны или же *барсуки*, которые защищают воню жизнь свою и нору [Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч.3. (1928)]; А вот, скажу вам, этикие выходцы и часто с нами, *барсуками*, такие-то штуки отливали [Сухово-Кобылин А.В. Свадьба Кречинского (1855)].

Бастард означает в биологии «гибрид от межвидового скрещивания», согласно переносному значению, - «внебрачного сына владетельной особы», средневекового короля, герцога и т.п.[БАС, 1, с. 411]. МАС антропоцентрического значения не отмечает [МАС, 1, с. 64]. Извлеченный из НКРЯ материал позволяет сформулировать еще одно значение: сын родителей с разным социальным / этническим статусом. Временные или пространственные ограничения при этом отсутствуют: - Друг мой, в вас говорит сейчас *бастард*, помесь арийца с семитом [Шагинян М. Перемена (1923)]; Поэтому один из

апокрифов рождения вождя, возникший в вихре оборзевшей гласности, что вождь наш *бастард* не грузинско-княжеский, а Пржевальский (как лошадь), не вызвал у меня ни гнева, ни восторга [Битов А. Последовательность текстов №5]; Кто с кем сожительствовал, кто вовсе не потомок знатного рода, а совсем даже *бастард*, кто у кого взятки брал, кто дурной болезнью болеет – вот содержание журнала, каждый номер которого сотрясал петербургский свет и московский «Аглицкий клуб» [Бовин А. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)]; Мужчина, словно *бастард* Стенька Разин, выкинул женщину в реку – не то потому, что она ему мешала, не то потому. Что хотел так умиротворить реку, а потом, когда понял, что сделал, бросился за ней следом [Варламов А. Сплав //Новый мир. 1999]. В двух последних примерах, как видим, усилена коннотация «низкий социальный статус».

Болонка для которого словари также указывают лишь прямое значение, в живом употреблении может выступать в качестве снисходительного именованья женщины, не отличающейся высоким интеллектом и не имеющей высокого социального статуса: Вчера был в отпуску, ходил в редакцию и никого не нашел там за исключением барыни, которую мы с Васей немедленно окрестили прозвищем «литературной *болонки*» [Надсон С.Я. Дневники (1875-1883)]; И перед дверью кабинета за столиком – барышня, из породы секретарш (особый вид *болонок*). *Болонка* юркнула в кабинет, выскочила обратно, помахала Стерлигову хвостиком [Замятин Е.И. Икс (1919)].

Трясогузка используется в значении «женщина, по отношению к которой выражается пренебрежительное отношение»: Среди интимных излияний полковника-особиста (Бог с ними – все эти куры, *трясогузки* да и сам полковник уже давно мертвы) неожиданно появляются злорадные нотки – полковник знает нечто такое, что переполняет его самодовольством мелкой сошки, разнюхавшей государственную тайну [Пелевин В. Реконструктор (1990)]; Я – орел, я – соловей, я – сокол, а она – сорока, она – *трясогузка*, она – пустельга [Ерофеев В. Из записных книжек (1958-90)]; – Матери-то, наверное, ни копейки не послал? – спросил Овсянников. – А какой-то *трясогузке* всю зарплату [Курочкин В. На войне как на войне (1965)]. Как видно из вышеприведенных примеров, употребление лексемы в антропоцентрическом значении ограничено рамками мужской речи.

Выухоль – человек, обладающий негативными характеристиками (без детализации) или тот человек, по отношению к которому выражается негативное отношение; слово как обозначение животного, конечно, не имеет никакого метафорического переноса, можно говорить лишь об ассоциациях, вызываемых фонетическим обликом слова: Был *выухолем* настоящим [Ахматова А. Листки из

дневника: воспоминания об О.Э. Мандельштаме (1957-64)]; - Ты что, старая *выхухоль*, совсем свихнулся? [Маканин В. Гражданин убегающий (1970-1990)].

Буревестник – прежде всего метонимическая замена имени собственного М. Горького, в этом случае можно отметить наличие иронической окраски и употребление в составе словосочетания: Я даже у Горького нахожу много интересного, ибо «*буревестник* революции» не только создал, извините, образ Данко, но и написал такую интересную книжечку, как «Клим Самгин», которую очень рекомендую всем перечитать [Гладилин А. Большой беговой день (1976-81)]; Еще с давних петербургских лет он совершенно не выносил Горького и горьковской драматургии, и нет сомнений в том, что «*буревестник* революции» платил ему той же монетой [Елагин Ю. Темный гений (1998)]. Но чаще слово используется как метафора для обозначения первопроходца, зачинателя какого-либо дела, предвестника, как нейтральное или ироническое: Этот де Сад как бы носитель правды, воплощение самой идеи свободы и независимости, романтик и *буревестник* [Точка кипения. Нарисуй себе любовь// Известия. 2002.01.25]; *Буревестник* обвальная приватизации имел на руках письмо с личной подписью президента Ельцина [Мостовщиков С. Рублевка // Столица. 1997. 05.13]; Возразят: о какой общепринятости идеи можно говорить, если целый отряд литераторов и журналистов неустанно твердит о распродаже России, если неутомимый Эдуард Лимонов из обилия «мерседесов» на московских улицах выводит «остервенелость и непримиримость будущего социального столкновения» (отнюдь не печалась о последствиях) и, как новый *буревестник*, торопит социальную революцию, которая должна смести «криминальный правящий класс» и привлечь молодые «низы общества»? [Латынина А. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу? // Новый мир. 1993]; Троцкий – *буревестник* [Трушкин А. 208 избранных страниц (1990-2002)].

Лось довольно часто используется как обозначение мужчины, отличающегося крепким телосложением и здоровьем: Напротив меня на постели сидит и одевается огромный *лось*, инструктор Ермаков, человек редкой доброты и здоровья [Визбор Ю. Завтрак с видом на Эльбрус (1983)]; Такой *лось*, а чего не служилось? [Павлов О. Казенная сказка (1999)]; Презрительный и властительный Басов Миша, он же *лось*, не удовлетворился тем, что притащил в семью одного гения; Презрительно усмехаясь своим презрительным мыслям, среди устроенного им храма Наташи и искусства похаживал высокий *лось* Басов [Лимонов Э. Молодой негодяй (1985)].

Крот в корпусе представлен примерами, в которых реализуется значение «внедренный агент, разведчик», а также «дотошный исследователь»: Об этом сообщил мой крот в их банке на Смоленской. [Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001)];

Крот напоминает, что Себастьяни с дурным характером; Крот сообщает, что экономическая контрразведка в Москве проявила интерес к Себастьяни. [Скворцов В. Сингапурский квартет (2001)]; Ощущение усложняется той мыслью, что вот не Сталина тут обманул какой-нибудь крот истории, а Сталин и сам вроде того крота, и сам с усам. [Парамонов Борис. Трава родины, или Сталь и шлак // "Октябрь", 2003]; - Ты хорошо роешь, старый крот! [Григорий Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир (1962)].

Группа слов с антропоцентрическим значением не является замкнутой; студенты дополняют её и определяют тот круг лексем, который, по их мнению, является наиболее частотным, предлагаются также задания найти зоонимы и орнитонимы, у которых вторичные переносные ЛСВ включают не только негативные, но и положительные семы. Активно привлекается материал корпуса и СМИ.

Второй уровень анализа, имевший целью уточнение антропоцентрических значений и стилистических коннотаций, фиксируемых толковыми словарями, позволил выявить ряд лексем, которые имеют отличные от словарных ЛСВ. Так, *акула* может означать не только того, «кто наживается на эксплуатации и ограблении кого- , чего-л.» [БАС, 1 с. 153], но и наиболее успешного и активного представителя некоторых профессий: журналистов, бизнесменов, иногда с иронической коннотацией: *акула пера, акула капитализма, акула бизнеса*. У лексемы *вобла* к ЛСВ «бесчувственный, холодный, лишенный душевной теплоты человек» [БАС, 3, с. 9] можно отметить наличие семы «худой». *Кукушка* используется не только для обозначения снайпера, стреляющего сверху [МАС, 2, 147], но и как обозначение одинокого человека, а также матери, бросившей своего ребенка: Остался дневальный посередке за столиком одинокой *кукушкой* (Черный С. Солдатские сказки. Лебединая прохлада (1932); Настасья Филипповна рассмеялась, но, ложась спать, долго говорила с мужем, который бунчал, как турецкий барабан, ругал пустобрехов и *кукушек* и потом вместе с женою ходил смотреть, как спит Валя (Андреев Л. Валя (1899). *Львица*, как показывают данные корпуса утратило коннотацию, относившую лексему к числу устаревших.

Представляется интересным рассмотреть более подробно один из примеров динамики ЛСВ и его компонентов. Антропоцентрическое значение слова *каракатица* последовательно фиксируется толковыми словарями, начиная с 1891 года [Фролова, 2005, с. 156]. Название головоногого моллюска в метафорическом употреблении, согласно словарям, применимо в просторечии по отношению к «короткононому человеку» [МАС, 2, с. 31]. Основанием для метафоризации следует считать сему «короткий» в первичном ЛСВ: «морской моллюск с короткими щупальцами». Примеры употребления слова в переносном значении в словарях единичны и не могут служить доказательством того, что

значение определено, сформулировано точно: «И отец и тетеньки очень дорожили Аннушкой, что не мешало им, впрочем, звать ее то Анюткой, то Анкой-каракатицей» (Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина) [МАС, 2. с. 31]. Интересный материал представлен в корпусе. Из 66 словоупотреблений 16 представляют собой обозначение человека (сравнительные обороты не учитываются). Сема «коротконогая» входит в семему в примерах из текстов начала XX века: Заведующая – коротконогая сорокалетняя каракатица, в корсете, в очках, страшная (Цветаева М. Мои службы (1918-1919). Далее прослеживается замена вышеназванной семы на другую, также негативного характера: «кривоногая»: Были такие кривоногие *каракатицы* (Беляев А. Голова профессора Доуэля (1925). Однако ни первая сема, ни вторая не выступают в качестве инвариантной и обязательной. Постоянными релевантными компонентами значения являются 1) лицо женского пола и 2) пейоративное значение. Как в произведениях XIX века, так и в современном употреблении использование названия моллюска обусловлено целью показать более низкий статус референта по отношению к говорящему, незначительность, наличие негативных характеристик. Человек (женщина, девушка) не так выглядит, не так, как следует, по мнению говорящего, ведет себя и т.п.: - Хорошо, любезный сосед, что ты велик, а жена твоя *каракатица*; но посуди обо мне и Федоре Тихоновне! (Нарежный В.Т. Российский Жилбаз (1814); ... очкастая *каракатица* Люда (Лимонов Э. Молодой негодяй (1985); ... тут кругом такие девчонки ходят, а я с вами, старыми *каракатицами*, тусуюсь (Шурупова Н. Женечка (2002); Когда случился тот случай ...да-да, тот случай, а твоя *каракатица* вздумала ехать в дом отдыха (Визбор Ю. Завтрак с видом на Эльбрус (1983). Рассмотрение материала, представленного в корпусе, в функционально-прагматическом аспекте подтверждает факультативность сем, связанных с отражением внешнего облика у лексемы *каракатица*. Постоянными и релевантными составляющими семемы являются пейоративность и феминность.

Студентам может быть предложен для анализа отрывок из произведения А.И. Куприна. Герой романа «Яма» называет каракатицей экономку Эмму Эдуардовну, возмущаясь тем, что та требует заплатить по счетам Ирины Вощенковой. Лихонин называет хладнокровную экономку сначала гнусной черепахой, а затем подыскивает более подходящее слово: - Но ведь это мегера, это паук в образе человека - эта ваша портниха! – кричал иступленно Лихонин. – Ведь она же в заговоре с вами, кровососная банка вы этакая, черепаха вы гнусная! *Каракатица*! Где у вас совесть?! (Куприн А.И. Яма (1915).

Рассмотренный выше материал позволяет сформулировать следующие задания для студентов.

1. Используя данные НКРЯ, которые иллюстрируют употребление следующих слов в переносных антропоцентрических значениях, выявите семный состав следующих лексем: *акула, аллигатор, баран, вобла, выхухоль, каракатица, крот, кукушка, крокодил, куропатка, орел, трясогузка, хорёк, суслик*.

2. Сформулируйте значения данных слов, реализуемые в материале НКРЯ.

3. Сравните полученные данные с формулировками толкования ЛСВ в словарях современного литературного языка: БАС, МАС, а также в изданиях словарей неологизмов разных лет.

4. Сделайте вывод о том, как соотносятся лексикографические данные и те значения, в которых употребляется слово в произведениях художественной литературы XIX, XX вв.

Задания такого рода имеют целью активизировать самостоятельную работу студентов, подтолкнуть их к обращению к разным толковым словарям, отработать навыки семантического анализа. Выявление семного состава в разных словоупотреблениях лексемы представляется интересным для студентов и позволяет им использовать как свои собственные наблюдения, так и самостоятельный поиск в НКРЯ.

На основе анализа вторичных, переносных ЛСВ, нашедших отражение в Национальном корпусе русского языка, можно сделать вывод об увеличении состава личных имен существительных в результате лексико-семантического словообразования, а также о достаточно высокой степени продуктивности данного вида деривации.

Материал корпуса интересен и позволяет преподавателю организовать самостоятельную работу студентов с последующим обсуждением на занятиях по современному русскому языку. Задания разного уровня сложности на определение значения, в котором употребляется то или иное слово в корпусе, и его сопоставление с тем, которое зафиксировано толковыми словарями, помогут привлечь внимание студентов к динамическим процессам в области семантики и словообразования.

Литература

Большой академический словарь русского языка / под ред К.С. Горбачевича. Т 1-6. М.-СПб.: Наука, 2004-2006. (БАС)

Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 155-165.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973.

Новые слова и значения / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.

Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001.

Лопатин В.В. Словообразование имен существительных // Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1982. С. 142-256.

Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск: Изд. Ижевского ун-та, 1981.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Ч. 4. М.-Л., 1941.

Потиха З.А. Современное русское словообразование. М.: Просвещение, 1970.

Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС)

Фролова О.Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении. 2005. №2. С. 137-158.

Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001.